

Анкета

Русская литература и империализм

Анна Герасимова (Рурский университет Бохума)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Мой основной фокус исследований — это реакции читателей на тексты, анализ их восприятия. Поэтому вопросы имперскости я тоже буду рассматривать с этой позиции, и речь пойдет об описании представлений современных людей, читающих книги об империи.

В целом взаимодействие современных читателей с постколониальной и имперской проблематикой можно поделить на два типа, в значительной мере отличающиеся друг от друга.

Первый тип — реакции на литературу традиционного (образовательного) канона. Здесь мы можем иметь дело в том числе с классическими примерами чтения контрапунктом¹.

Один из них довольно полно совпадает с идеей Хоми Бхабхи о том, что постколониальное гибридное пространство представляет собой конструкцию, которая создается персонажами, находящимися на его периферии — субалтернами, женщинами, мигрантами, меньшинствами². Любое переосмысление канона и входящих в него авторов связано с периферийными фигурами самих текстов и «литературного быта». Для того чтобы расшатать структуру канона, обусловленную империей, читателям нужен *другой голос*, своего рода оппозиционный лидер. В случае такой бурно обсуждаемой фигуры, как Лев Толстой, читатели довольно часто ссылаются на дневники его жены, говоря, что они позволяют подвергнуть сомнению все, чему их учили в школе.

1 Саид Э.В. Культура и империализм / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 146–349.

2 Баба Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации // Синий диван. 2005. № 6. С. 68–118.

Другой яркий пример — рассказы Бунина³. Читатели практически всегда переходят на точку зрения его героинь, разворачивая сами тексты так, как им кажется уместнее сейчас. Это означает, что присутствующий в повествовании немолодой мужчина, облеченный властью (то есть представитель империи), становится осуждаемой стороной и тем самым замещает позицию субалтерна, а право голоса и право на свою правду получает женщина, причем это не столько героиня Бунина, сколько вселившаяся в нее современная читательница. Таким образом, обсуждение рассказа «Легкое дыхание», где кульминацию сюжета заметная часть читателей считает изнасилованием, становится похоже на прения в суде.

Второй тип, несколько более разнообразный, — это реакции на имперскую тему в современной, главным образом жанровой, литературе. Ее жанровые конвенции, особенно если это литература с фантастическими допущениями, часто предполагают подробное описание мира и государственного устройства, причем чаще всего это монархия с тенденцией к внешней экспансии. Иными словами, авторы и читатели постоянно имеют дело с империями.

Автор такого романа, как правило, не может выдумать то, чего он не видел в реальности (с этим связаны многочисленные претензии русскоязычных читателей, например, к трилогии «Голодные игры», — они оправданно считают, что тоталитарное государство не может быть устроено таким образом⁴), и его опора — реальные примеры, обычно из школьного курса истории с соответствующей теоретической рамкой, и некоторый корпус художественных текстов того же жанра.

Читатели, в свою очередь, потребляют довольно много литературы в одном жанре и тем самым знакомы с жанровыми конвенциями очень хорошо (часто — даже лучше автора). Поэтому они подходят к новому тексту в привычном жанре критически. Таким образом, фантастические романы могут послужить бэкграундом для наблюдения за тем, как читатели осмысливают империи.

«Вымышленные империи» бывают двух основных видов: прямые дериваты земных (как правило, Российской империи) и не имеющие полных аналогов в исторической реальности. Но реагируют на них обычно одинаково, с точки зрения имперской структуры: читатели ищут, когда и при каких условиях там может произойти революция. Чаще всего они приходят к выводу, что она не происходит только в силу авторского произвола. Уязвимые места в империи — прежде всего знакомые по школьной истории (шарфик и табакерка). Встречаются и более тонкие варианты: читатель, столкнувшись в любовно-фантастическом романе с алмазными разработками, принадлежащими одной из сторон конфликта, разъясняет, что при таких условиях их бы уже давно подмяла под себя центральная власть.

Применительно к вымышленным империям метафора имперского начала как мужского, а колониального как женского почти всегда отмечается читателями как что-то негативное: для них это однозначно мечты о нападении на того, кто не сопротивляется: «...за трапезой обсуждают перспективы покорен-

3 Реже в подобной конструкции выступает Куприн (обычно «Гранатовый браслет», иногда «Олеся»).

4 Насколько я могу судить, Сьюзен Коллинз, автор трилогии, обрабатывает мотив, являющийся завязкой мифа о Минотавре: семь юношей и девушек отправляются в Кносский дворец, чтобы быть принесенными в жертву (см. об этом, например: Mills S. Classical Elements and Mythological Archetypes in *The Hunger Games* // *New Voices in Classical Reception Studies*. 2015. Iss. 10. P. 56–64).

ния Семиречья. Отец полагает, что страна сама с радостью отдастся Империи, как очарованная опытным ловеласом юная дева...»⁵

Читатели весьма прозорливо замечают: те, кто пишет дериваты Российской империи, обычно просто мечтают о том, чтобы попасть туда, и верибельность мечты совершенно не важна — скорее всего, авторы просто оказались бы там крепостными.

Однако для приятного фантазирования есть свои границы: если автор, например, описывает диктатуру, массовые расстрелы, при этом постулируя благодетельность вымышленного строя, читатели однозначно это осуждают. Равно как и сословную мораль в обществе, близком к современному. Однако само право описывать империи, в том числе невероятные и подчиненные лишь авторскому произволу, не оспаривается.

Вообще читатели воспринимают имперский антураж скорее удовлетворительно: для них использование собственно монархической атрибутики, описание жизни при дворе — повод применить *suspension of disbelief*, что-то вроде игры: «Давай играть, как будто мы короли-и-королевы».

Еще одна деталь: в рассуждениях об империях — дериватах Российской империи, — читатели очень часто и довольно точно воспроизводят дискурс «внутренней колонизации»⁶, формулируя как общее место для литературы классического канона идею «в России два народа — образованный класс и необразованный народ, и понимание между ними невозможно». Образованный класс сталкивается с сопротивлением и часто ненавистью со стороны необразованного, приходя к идее, что с этими «низшими» можно только кнутом, иначе они не понимают. Попытки перейти от представлений о чуждости народа (читателям известно о деятельности Льва Толстого) успехом так и не увенчиваются. Читатели уверены, что сами оказались бы в империи на позиции внутренних субалтернов, и это укрепляет их в таком убеждении.

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Собственно, это один из наиболее волнующих читателей вопросов — чем российская литература эпохи империи (в основном с этой точки зрения рассматривается Российская империя, СССР — реже) отличается от других имперских литератур. За неимением места я не буду приводить обширных цитат, но мне встречалось обсуждение того, почему в «великой русской литературе» (так именуется литература школьного канона XIX века, она же «классика») не встречается комплиментарное изображение буржуа, в отличие от литературы Великобритании и Франции.

Читатели формулируют ответ так: русская литература — дворянская, класс буржуа сложился поздно и не имел платежеспособного спроса. Традиционный же маленький человек — не субститут европейского буржуа, он страдает, а не честно выполняет свою работу и рад этому⁷.

5 <https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=770600#p770600> (дата обращения: 27.07.2023).

6 Эткнд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

7 В качестве такого персонажа приводится Лиза Кенно из романа Золя «Чрево Парижа».

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Современную литературу за пределами жанровой (иногда и жанровую тоже) читатели оценивают как менее имперскую. В частности, в цитированном выше обсуждении читатели приводят в качестве примера текста, описывающего жизнь простого горожанина (=буржуа), роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». С их точки зрения, это говорит о том, что русская литература развивается в нужном направлении.

Впрочем, в том же обсуждении читатели припоминают некоторых авторов, которые все же описывали буржуа, но не попали в канон вовсе⁸ либо оказались на его периферии, как Писемский или Лесков. К тому же информанты неоднократно замечают, что «горожане, живущие своим трудом» почти всегда находятся на периферии повествования (в качестве примера часто приводится Разумихин)⁹.

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем — помешать изучению литературы и ее прошлого?

Из своей позиции исследователя чтения я могу заметить вот что: читатели могут весьма уверенно разбираться в устройстве империй, но считают их главным образом примером того, «как не надо».

Если судить по их высказываниям о вымышленных империях фантастической литературы, то чаще всего читатели приходят к выводу, который примерно можно сформулировать как «империя — это ответственность». На суверене лежит огромный груз обязательств, которыми он не может пренебрегать, и редко какой автор в состоянии их описать достаточно достоверно: «Как подсказывает опыт Луи XVI и Николая II, при неумном монархе умные министры долго не задерживаются, потому как для начала надо хотя бы признать собственную беспомощность, а с этим у многих проблемы»¹⁰.

Институциональное историческое образование, хотя бы на уровне школы, сильно сказывается на читательском восприятии империй и их развития. Восстания рассматриваются в рамке учебника истории — «предпосылки — ход — результаты», — а любым империям подыскиваются исторические аналоги (что хорошо видно из цитаты выше: речь в ней идет о вымышленном королевстве в любовно-фантастическом романе).

Из моего непосредственного опыта наблюдений могу сказать, что использование, хоть и не всегда осознанное, инструментов постколониальной теории как раз служит для читателей подспорьем для поиска новых смыслов, расшатывания канона и создания новых прочтений. Эдвард Саид писал: «Моя

8 Один из участников обсуждения не просто вспомнил Лейкина, но и процитировал критический отзыв о нем Некрасова.

9 Веру Павловну тоже упоминают, но сам роман считают фантастическим, а значит, для ответа на вопрос неподходящим.

10 <https://holywarsoo.net/viewtopic.php?pid=3405901#p3405901> (дата обращения: 27.07.2023).

позиция в контрапунктическом чтении состоит в том, чтобы подчеркивать дизъюнкции, а не затушевывать или преуменьшать их»¹¹. Собственно, читатели занимаются именно этим.

Когда же им дают этот инструмент в руки, собственно, часто получают хрестоматийные постколониальные тексты вроде «Антуанетты».

Евгений Добренко (*Венецианский университет*)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Мыслить об искусстве и, шире, о культуре и политической репрезентации в категориях имперскости — характерная черта современного политического мышления. В особенности в той его наиболее актуальной части, которая определяется как *identity politics*. С одной стороны, это не целостный, не системный, не органический, но вполне односторонний подход к искусству, а именно политический подход, при котором, как кажется, эстетическое своеобразие отстает перед такими понятиями, как раса, этнос и национальность, либо религия или политическая аффилиация, либо гендер и сексуальная ориентация, либо факторы социального характера, такие как происхождение или класс. С другой стороны, имперскость входит в число этих факторов в качестве интегрирующей категории, которая вмещает в себя историю и географию, политику и этнографию, социальные аспекты, а также оперирует целым пучком понятий, многие из которых (хотя далеко не все!) весьма продуктивны и пришли из постколониальной теории, дисциплины, которая весьма интенсивно развивается в последние полвека.

Как бы то ни было, понятие имперскости всегда апеллирует к сфере идентичности. И это делает его, как мне представляется, во многих отношениях весьма полезным и приложимым на разных уровнях. Не только на политическом, социальном или функционально-идеологическом, но и на эстетическом. Применение понятия имперскости не ограничивается теми случаями, когда этот аспект тематизирован, как в «Клеветникам России» Пушкина, «Скифах» Блока или «На независимость Украины» Бродского (обращаюсь к этим примерам потому лишь, что они на слуху). Оно много шире. Поэтому, отвечая на вопрос: «Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским?», — я бы сказал, что имеется в виду та сторона литературного произведения (и литературы в целом), которая связана с идентичностью. Имея в виду, что литература прямо связана с такими национально-образующими факторами, как национальный язык, национальная история, фольклор и мифология, историческая память, сфера воображаемого и т.д., она оказывается одной из главных платформ актуальной повестки. В связи с переживаемым Россией острым кризисом национальной идентичности, приступом имперской ностальгии, фрустрацией от неспособности создать современное национальное госу-

11 Саид Э.В. Культура и империализм. С. 305—306.

дарство, обращение к таким понятиям, как имперскость, становится не только обоснованным, но неизбежным.

Из этого следует ответ и на последний вопрос: нет, одно и то же произведение не может в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть. Скажем, перечисленные мною выше произведения русских поэтов-классиков остаются имперскими так же, как, скажем, «Кобзарь» останется антиколониальным произведением при любом раскладе. Это особый ракурс, особое изменение. В ином измерении эти произведения не меняют своего идеологического наполнения. Просто при одном освещении видно одно, при другом высвечено совсем другое. Но от того, что мы перестаем видеть то, что отошло в тень при ином освещении, оно не меняет своего содержания. Все зависит от того, под каким углом и с какой конечной целью обращаемся мы к литературе.

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем помешать изучению литературы и ее прошлого?

Как было сказано выше, тема имперскости в немалой степени — продукт политической идеологии. То, что имеет идеологические основания, далеко не всегда бывает научно продуктивным. Это относится и к постколониальным исследованиям, неразрывно связанным с политикой идентичности. Идеология толкает исследователя на принятие постколониальной методологии в качестве политического инструментария. В этом случае она толкает к использованию литературы в политическом активизме, где текст — лишь аргумент, а анализ — лишь способ максимально эффективного продвижения определенной политической повестки. Однако, если подходить к постколониальной методологии критически и отбирать из этих категорий и инструментов те, что продуктивны в строго научном плане, категориальный аппарат исследований империи позволяет глубже понять не только концептуальные аспекты литературного текста, но и его образность, стилевые особенности, вписанность в традицию, снять многие дисциплинарные ограничения.

Категориальный аппарат исследований империи позволяет увидеть основную драму, основной сюжет имперского культурного производства: каждая национальная литература стремится к уникальности, каждая заточена на партикуляризм, на самобытность, в которой нация раскрывает свою уникальность. Империя, напротив, стремится к тому, чтобы каждая культура была прозрачна, легко проницаема и готова к конвергенции. Имперский ракурс позволяет понять, как происходит реорганизация, перебалансировка этих полюсов. Он выводит нас к основным социальным и политическим функциям литературы как института культуры и, шире, — нации, национального строительства.

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Я бы поставил вопрос иначе. Она имеет *иной* имперский характер, чем литературы других империй. Он особенный не в том смысле, что он особенно имперский, но в том, что он именно *другой*. И об этом стоит думать и стоит в этом разбираться. Специфика Российской империи состоит в особенном характере

встроенности имперского проекта в российскую государственность. И здесь Россия (и соответственно, Российская империя) уникальна.

На протяжении многих лет я читал вначале американским, а потом британским студентам вводный курс в историю русской культуры. Его я всегда начинал с афоризма одного из ведущих британских историков России Джеффри Хоскинга и просил студентов хорошо подумать о нем: «*Britain had an empire, but Russia was an empire*»¹². И в самом деле, едва ли не все европейские страны *имели* империю — Британия и Испания, Италия и Франция, Португалия и Голландия... И не только в Европе — Япония, Китай, Персия... Но что их отличает от России, так это то, что они *имели* империи. Иначе говоря, они существовали и *без империй*. Италия прекрасно существовала до и после Ливии, Франция — до и после Алжира, Португалия — до и после Бразилии и т.д. Эти страны имели/имеют свою идентичность, свою культуру, свою долгую историю, в которой империя была лишь эпизодом (иногда долее долгим, иногда менее, но в сознании современных европейских народов всегда постыдным).

В России это был/есть не эпизод. Ее до империи просто не существовало. Современная Россия родилась не из погибшей Киевской Руси, как учили в советской школе (та страна исчезла навеки, распавшись, как какая-нибудь Ассирия), а из Московии, переименованной в Россию Петром, из разложившейся монгольской империи, в старые территориальные мехи которой она залила новое вино. Просто если Орда шла на Запад, Россия все это полое пространство заняла, идя в обратном направлении, на Восток. Словом, Россия родилась как империя. Она ею исторически была, и без нее никогда не существовала. Естественно, это отразилось на характере этой империи и на том, что она никак не может модернизироваться в нормальное национальное государство.

Могла ли эта интимная связь российской имперскости с российской государственностью не отразиться в русской литературе, которая сама была частью государственного строительства и имплементирована в России Петром как часть государственного же модернизационного проекта вместе с другими западными нововведениями, типа европейских париков и камзолов? Литература эта была институционально связана с государством. Ее особый статус был закреплен в литературоцентричности русской культуры, где она выступала единственной трибуной общественной мысли. Поэтому имперская тема была неотрывна в ней от темы государственной с момента рождения в XVIII веке.

Советская эпоха привнесла в прежний имперский миф мессианско-коммунистические мотивы, окрасила его в новые цвета. Достаточно сравнить петербургский текст, произведенный русской литературой, с московским текстом, произведенным уже советской литературой, чтобы увидеть как отличия, так и преемственность. Преемственность состояла в культивируемой великодержавности. Достаточно вспомнить несметное число советских текстов, восславлявших «советскую нашу державу», или советский гимн, который в первых же двух строках объяснял имперскую природу этого государства: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Отличия также вполне очевидны: коммунистический свет с Востока все больше окрашивал

12 Hosking G. *Russia: People and Empire 1552—1917*. Cambridge: Harvard UP, 1997. P. 41.

прежний имперский экспансионизм, питал желание «дойти до Ганга» и «умереть в боях... чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя».

Как бы то ни было, русская литература формировала и формирует русское/советское/российское национальное самосознание. Это сознание, как показал опыт последнего года, пропитано имперскостью. Нет поэтому сомнений в том, что русская литература уже в силу своего статуса играла и играет существенную роль в формировании имперского воображаемого населения Российской империи — Советского Союза — Российской Федерации.

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Итак, Россия — литературоцентричная империя. С одной стороны, литературоцентризм характерен для культур, где отсутствует иная трибуна, кроме литературы, — нет ни сложившегося гражданского общества, ни демократических институтов, ни представительства, ни свободы слова. В этих условиях вопросы политики, истории, философии, культуры, социальные и национальные вопросы и даже экономические и военные могут обсуждаться главным образом (а порой — и только) через литературу как единственно возможную платформу. С другой стороны, литературоцентризм характерен для субалтерных культур. В силу невидимости и угнетенности подчиненных групп они могут только через литературу поднимать и обсуждать вопросы своего политического статуса, национальной идентичности, истории, языка и культуры. В большинстве традиционных имперских культур действовал только второй фактор. В России сложилась уникальная ситуация — оба фактора оказались задействованными и находились в прямом и тесном взаимодействии. В обоих случаях литература выполняла важную компенсаторную функцию — давала маргинализированным слоям населения компенсацию за лишение их политического голоса.

Мне приходилось заниматься историей формирования литературного канона в советскую эпоху. Это был весьма динамичный процесс, особенно в 1920-е годы, когда марксистский социологизм был в силе и программы складывались под сильным влиянием Покровского и Переверзева, тема империи использовалась весьма активно вплоть до середины 1930-х годов (укажу, например, на книгу Анатолия Волкова «Поэзия русского империализма», 1935), когда прямой разговор о колониализме и империализме сменяется концепцией «наименьшего зла», а после войны происходит отказ и от этой концепции, и последующие четыре десятилетия доминирует концепция прогрессивности российского завоевания окраин.

На фоне этой смены представлений об империализме стали меняться и оценки. Следует также помнить, что имперскость — это не только тема экспансионизма и колониализма, но и ключ к легитимации самой природы режима — *inherent imperialist* — Российского государства. Иначе говоря, империя — это не только о захвате земель. Внутренняя колонизация не менее важный аспект русской имперскости, чем внешняя. Империя — это великодержавность, но это еще и державность. Это определенные представления о власти,

об истории, о человеческой природе. Это целая философия. И это уже непосредственно отражено в литературе. Это не некий корпус про- и антиимперских текстов (хотя есть и такие, но они маргинальные). Речь идет не столько о самом каноне (кто вошел — кто вышел), сколько об интерпретациях, которые сопровождали весь корпус русской классики — от Пушкина, Лермонтова и Гоголя до Достоевского и Толстого.

В советское время влияние русской литературы на национальные литературы СССР было значительно и разнообразно и выходило далеко за пределы того, на что обычно обращают внимание — например, на внедрение в них конвенций русского эпического романа, толстовского психологизма, стиливого и тематического репертуара и институциональных форм, выработанных в русской литературной традиции. Было, однако, и куда более глубокое влияние на сам статус литературы и ее место национальном сознании. Литературоцентризм, присущий русской и советской культуре, формировал писателя — учителя жизни и едва ли не отца нации. Статус национального поэта, хранителя национального языка и традиции, пришедший из романтизма, расцвел на русской почве в XIX веке, в эпоху формирования русского национального сознания. Это сознание в условиях имперского строительства было пронизано имперскостью (русский универсализм, православный прозелитизм, миссионерство в отношении других народов империи и т.д.). Но если в XIX веке оно оказывало лишь минимальное влияние на только формирующиеся у большинства народов Российской империи национальные литературы, то в советскую эпоху оно оказалось определяющим: как старые, так и новые литературы форматировались по русскому литературному канону. В каждой из них воспроизводилась та же иерархия канона с неперемной «вакансией поэта». В результате национальные писатели формировались как носители и выразители «национального духа», а сама романтическая традиция, отмиравшая в модернизме, оказалась законсервированной в воспроизводившей домодерную архаику советской литературной традиции и переданной ею по наследству всем литературам народов СССР. Ирония истории состоит в том, что основанная на русской традиции советская литература сама сформировала в республиках ту национальную литературную среду, которая при первом же дуновении либеральных перемен отторгла от себя имперскую опалубку. Как только нации и народности СССР начали выходить из состояния советского анабиоза, именно в этой среде, в которой в формативный советский период зарождалось национальное самосознание, они нашли опору и возможности для выражения своих национальных устремлений.

Владислав Соболев (*Санкт-Петербургский государственный университет*)

Что имеется в виду, когда произведение искусства называют имперским? Какие особенности произведения позволяют так его охарактеризовать? Может ли одно и то же произведение в одном отношении быть имперским, а в другом — не быть?

Чем категориальный аппарат исследований империи может помочь, а чем помешать изучению литературы и ее прошлого?

Можно ли сказать, что литература Российской империи / Советского Союза отличается особенно имперским характером на фоне, например, литературы Великобритании или других империй?

Как империя повлияла на складывание канона русскоязычной литературы? Что осталось за пределами канона благодаря влиянию империи? Есть ли в русскоязычной литературе что-то, что можно противопоставить империалистическим представлениям о политической и общественной жизни?

Вообразите себе петербургское правительство, руководимое в своих предприятиях и действиях сознанием цивилизаторского назначения России! Для человека, сколько-нибудь знакомого с природою и с побуждениями наших правителей, одного такого представления достаточно, чтобы уморить его со смеху.

М.А. Бакунин (1873)

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что я не являюсь специалистом по русской литературе, но отчасти занимаюсь историей российской колониальной политики в отношении мира ислама, главным образом на основе туркестанских материалов. Поэтому заранее осознаю, что могу упускать из вида некоторые тексты, которые хорошо известны профессиональным литературоведам.

На мой взгляд, называть какое-либо произведение искусства «имперским» нецелесообразно, так как такая характеристика мало что объяснит или прояснит, но скорее только запугает ситуацию. Любой текст, написанный в империи и прошедший через имперскую цензуру, — имперский? Чтобы охарактеризовать что-либо как «имперское», необходимо было бы дать какое-то определение империи и имперскости. Дать такое определение весьма проблематично, так как и исторически, и синхронно существовали различные государства, которые назывались империями или претендовали на такой статус, однако существенно отличались друг от друга. Часто мы приписываем название империи тем государствам, которые сами себя так никогда не именовали. Например, римский император никогда не имел такого официального титула. Тем не менее, рассуждая об империи как типе государства, чаще всего указывают на некие признаки, которые в своей совокупности придают государству подобный статус. Часто эти признаки формулируют через оппозиции: метрополия — колонии; культурный (цивилизованный, «западный») центр — дикая (варварская, «восточная») окраина; обширная территория; многонациональность — государство-нация, идеократия — отсутствие государственной идеологии и пр., и пр. Эти и схожие оппозиции, на мой взгляд, позволяют говорить о колониальном тексте, колониальной литературе, так как понятия «колония» и «колониализм» сформулированы гораздо четче. И чаще всего, рассуждая об «империи», как раз и подчеркивают колониальный статус, неразвитость или угнетенность окраин, насильственное присоединение инокультурных регионов, навязывание доминирующей идеологии, языка, традиций. Все эти характеристики указывают на колониализм, в то время как империя чаще всего еще

подразумевает и особый тип государственной власти, сакральную легитимацию власти, особый тип бюрократии и социальных институтов.

Исходя из этого, на мой взгляд, правильнее говорить о колониальном тексте русской литературы, который часто не замечают. Один из авторов коллективной монографии «Россия — Средняя Азия» В.А. Иванов торопится заявить, что «примечательным... представляется отсутствие в русской литературе XIX — начала XX в. жанра колониального романа». Этот факт, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что «проблемы “русский в Азии” для большей части общественного сознания не существовало»¹³. Тот же исследователь, ссылаясь на Б.С. Ерасова, пытается убедить читателя, что «Азией» интересовался лишь «тончайший слой общества», в то время как «просвещенные вестернизированные слои его концентрировали внимание на Западе», а «низы» общества и «часть официальных кругов самодержавия» ориентировались на духовное наследие Византии¹⁴. С другой стороны, согласно исследованиям, проведенным А.И. Рейтблатом, самым читаемым текстом всего XIX века был роман Н.Я. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840)¹⁵. Естественно, этот текст представляет собой лубочную литературу, тем не менее он пользовался популярностью не только в мещанской, но и в крестьянской среде, и сюжет его «замешан» совсем не на «западных» или византийских реалиях. О весьма широком проникновении «восточной» и «азиатской» проблематики свидетельствует и русская историческая песня XIX века, в которой широко отразились реалии русско-иранских и русско-турецких войн («Князь Цицианов под Эриванью», «Гудович и персидский шах» и др.)¹⁶. Уже в начале XX века огромной популярностью в русской крестьянской среде пользовалась народная песня «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...»¹⁷, отражавшая события англо-бурской войны 1899—1902 годов. Хорошо известно, что особый тип «внутреннего колониализма» в русской литературе предлагает рассмотреть А. Эткинд¹⁸. Здесь нет смысла открывать полемику по поводу своеобразия российского колониализма и его направленности, но даже если обратиться только к тем произведениям, в которых явно присутствуют некоторые ориенталистские штампы, можно ли их все отнести к колониальному дискурсу? На мой взгляд, нет, так как совсем не любой художественный текст, который появился в России в результате войны на Кавказе или присоединения Бессарабии, связан именно с той коллизией, которая ему присуща.

13 *Иванов В.А.* Русский вопрос в Туркестане (историографический миф и реальность) // *Россия — Средняя Азия: В 2 т. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII — начале XIX вв.* М.: Ленанд, 2011. С. 155—156.

14 Там же. С. 155.

15 *Рейтблат А.И.* Московская низовая книжность // *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 157—181.

16 См., например: *Русская историческая песня* / Вступ. статья, сост., примеч. Л.И. Емельянова. Л.: Советский писатель, 1990.

17 Текст песни имеет множество вариантов, в основе которых лежит стихотворение Галины Галиной (Глафиры Ринкс) «Бур и его сыновья» (1899).

18 *Эткинд А.* Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265—297; *Он же.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Хотя нет четких критериев для выделения в западной литературе XIX—XX веков «колониального направления», общность тематики, топики, эйдологии, отчасти архитектоники ряда сочинений П. Лоти, Л. Жаколио, Л. Буссенара, К. Фаррера, Р. Хаггарда, Р. Киплинга и иных авторов оправдывает использование этого традиционного термина. В основе коллизии колониальных текстов — столкновение представителей наций, обитающих в отдаленных климатических зонах и обладающих чуждыми друг другу системами ценностей, культурными традициями, психологическими мотивировками поведения, социальным и бытовым укладом. Одна из этих наций — европейская — мыслит себя представительницей передовой цивилизации и стремится подчинить своим жизненным принципам другую нацию — туземную, в местах обитания которой происходит действие. Различия так велики, что при самом благоприятном стечении обстоятельств конфликты неизбежны. Чаще всего «колониальная» литература пропагандирует колонизацию, даже если автор симпатизирует туземцам, он невольно выражает европейский взгляд на вещи. Это не исключает разоблачения конкретных недостатков колониальной политики: критикуются те, кто порочит недостойным поведением «благородное» дело колонизации (например, у Фаррера), и колонизаторы-соперники (так, Жаколио противопоставляет зверствам англичан в Индии гуманную колонизаторскую миссию Франции, а Киплинг порицает русских и французов). В целом для «колониальных» текстов, обычно неоромантических, характерны экзотизм описаний, пейзажные и этнографические отступления, напряженная интрига, сильные несовпадения фабулы с сюжетом, эллиптичность повествования, схематизм характеров.

Романтические сочинения А.С. Пушкина, А.А. Бестужева, М.Ю. Лермонтова, в которых отражено время их пребывания или службы на Кавказе, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как значимый источник колониального дискурса русской литературы. В самом деле, центральная тема поэмы Пушкина «Кавказский пленник» и многих стихотворений Лермонтова все-таки связана с мятущимся романтическим героем, для которого Кавказ и местные жители как «дети природы» могут быть легко заменены другими обстоятельствами, другой похожей сценой, перенесены в Средние века или в Античность. Тогда нужно было бы записать в имперский/колониальный текст и «На севере диком стоит одиноко...», и «Песню о купце Калашникове». Северная сосна противопоставлена восточной пальме, а главный антипод положительного персонажа в «Песне...» носит татарское имя Кирибеевич¹⁹, и вообще, по всей видимости, мусульманин по рождению. Возможно, есть известные исключения (например, стихотворение «Спор» М.Ю. Лермонтова). И все-таки романтические произведения и травелоги первой половины — середины XIX века не могут быть названы «колониальной» литературой, так как порождены несколько иными историческими реалиями, хотя создали прочную основу для сюжетных линий колониального романа.

Примеры собственно колониального текста можно найти в литературе, посвященной завоеванию и советизации Туркестана в конце XIX века. В дореволюционной художественной литературе колониальная проблематика Туркестана представлена хотя и мало, но эффектно. Это прежде всего такие авторы,

19 То есть сын Кириба, ср. «Ашик-Кериб» у того же Лермонтова.

как Н.Н. Каразин и В.В. Верещагин, безусловно читаемые и известные отнюдь не только в тонкой интеллектуальной прослойке российского общества. В 1920—1930-х годах «туркестанская» тема разработана известными писателями: Н.С. Тихоновым, Вс.В. Ивановым, Б.А. Лавреневым, Л.М. Рейснер, С.Ф. Буданцевым, Л.М. Леоновым, П.А. Павленко, К.Г. Паустовским, Б.М. Лапиным и З. Хацревиным, В.А. Луговским. Именно в тот момент «приключенческие» (а фактически колониальные) книги были временно реабилитированы и писателей призвали дать публике «красного Стивенсона». Почти все перечисленные авторы свидетельствовали о своем увлечении «колониальной» литературой — Кипплингом, Хаггардом, Фаррером. Н.С. Тихонов с симпатией упоминает Верещагина и Каразина; о последнем, сближая его романы с колониальными, писал и Павленко: «Его книги, как ни забиты они империалистической дребеденью, — прекрасный документ об Азии семидесятых годов... Он по возможности объективен и — забытый русский Киплинг — рисует людей Азии яркими красками»²⁰. Изобразители Туркестана опирались также на отечественную традицию путевых заметок (прежде всего «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова) и на литературу времен покорения Кавказа (интересны, наряду с повестями Лермонтова и Л.Н. Толстого, новеллы Я.П. Полонского, служившего чиновником в Тифлисе, еще не привыкшем к русским, в 1840-х годах). Замечательным колониальным романом мог бы стать «Последний из удэге» А.А. Фадеева, но роман остался незаконченным. Позволю привести только одну, но, по моему, весьма показательную цитату из романа ныне совершенно забытого писателя П.Г. Скосырева: «Дряхлый Восток без боя уходить не хотел. Приходилось толкать его, трепать, выслеживать и ежечасно быть на чеку. Дряхлый Восток носил чалму и рыдал на минаретах. Брал берданку и стрелял за дувалами. Продавал кишмиш и тянул чилим. На гарнизонной коференции требовал отправки домой. С белым платком выходил к басмачам. Таился, плакал, безумствовал, ревновал»²¹. Именно ситуация 1920-х — начала 1930-х годов дает максимальное количество колониальных текстов в русскоязычной литературе, и при этом появляющиеся тексты имеют прочную связь с традициями и сюжетами XIX века. Другое дело, что этот пласт русской (советской) литературы оказался забыт и не востребован. Политические изменения, прежде всего сворачивание политики «коренизации» в середине 1930-х годов и новые формы советизации, заставили советскую литературу в значительной степени изменить проблематику, а от некоторых сюжетов отказаться вовсе.

Что же касается понятий «империя» и «имперский», то их привлечение русской литературой происходило, как и в случае с некоторыми другими словами европейского происхождения, без понимания того, что же, собственно, они значат для России. Стремление *быть* «империей» до 1917 года, точно так же, как и стремление *не быть* ей после 1917 года, — это поиски эмансипации себя в Европе (или как «тоже Европы»), которые и по сей день свойственны многим странам постсоветского пространства.

20 Павленко П.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1955. С. 32.

21 Скосырев П.Г. Азиат. М.; Л.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1931. С. 143.